

перевод Андрея Подшибякина

18+

СИМПСОНЫ

**ВСЯ ПРАВДА
И НЕМНОГО НЕПРАВДЫ
О СЕРИАЛЕ**

МАЙК РЕЙСС

Знает о «Симпсонах» все. За двадцать восемь лет работы над сериалом получил четыре премии «Эмми» и награду «Пибоди».

По ту сторону экрана. Как создавались культовые сериалы

Майк Рейсс

**Симпсоны. Вся правда
и немного неправды от
старейшего сценариста сериала**

«ЭКСМО»

2018

УДК 791.44(73)

ББК 85.374(3)

Рейсс М.

Симпсоны. Вся правда и немного неправды от старейшего сценариста сериала / М. Рейсс — «Эксмо», 2018 — (По ту сторону экрана. Как создавались культовые сериалы)

ISBN 978-5-04-113254-5

С самого первого сезона, с января 1990 года, каждая серия «Симпсонов» начинается с шутки, которую не замечают десятки миллионов зрителей за сотни миллионов просмотров. Когда название сериала выплывает из-за облаков, сначала вы видите только первую половину фамилии, «The Simps»; вторая показывается чуть позже. Все еще не понимаете? В английском языке «Simps» означает простаки, туповатые граждане, – как те, которых вы увидите в сериале. Но не расстраивайтесь – это не последняя шутка, которую вы не заметили в «Симпсонах». Обо всех них и не только мы поговорим в этой книге. Отмечая тридцать лет с момента выхода первой серии на экраны, самое время узнать, с чего все начиналось. Кому в голову пришла идея создать вымышленный город, населенный желтыми людьми? Кто придумывает для сценария шутки и ситуации, которые порой опережают будущее? Какие препятствия пережил сериал за свою долгую телевизионную карьеру длинной в 32 сезона? На эти и многие другие вопросы вам ответит Майк Райсс – сценарист и продюсер, проработавший в «Симпсонах» с самой первой серии. Узнайте о создании любимого сериала все! В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 791.44(73)

ББК 85.374(3)

ISBN 978-5-04-113254-5

© Рейсс М., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	7
Открывающие титры	9
Первый акт	12
Глава первая	13
Голоса Симпсонов	14
Нас почти отменили... Еще до премьеры	15
Симпсономания!	16
Кто тут гений?	17
Вот и все, ребята!	18
Глава вторая	20
Вперед, в Гарвард!	23
«Гарвардский пасквильянт»	23
Глава третья	26
Где Джонни?	27
Ситкомовая жизнь	29
Ситкомы	30
Второй акт	32
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Майк Рейсс

Симпсоны. Вся правда и немного неправды от старейшего сценариста сериала

*Мэтту Гоейнзигу, Джими Бруксу
и Элу Джинцу – спасибо за лучшую работу в мире. Не увольняйте
меня.*
Майк Рейсс

*Добро пожаловать в униженный мир профессионального
писательства.*
Гомер Симпсон

Mike Reiss
SPRINGFIELD CONFIDENTIAL

Text Copyright © 2018
Перевод *Андрея Подшибякина*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация: Nina Savinova / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Подшибякин Андрей, перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Команда проекта

Переводчик – Андрей Подшибякин (журналист, бывший главный редактор PC Gamer, автор Game.EXE, Афиши, GQ, креативный директор компании Xsolla, автор книги «Время игр! Отечественная игровая индустрия в лицах и мечтах: от Parkan до World of Tanks»)

Литературный редактор – Наталья Папахова («Отель «Гранд Будапешт». Иллюстрированная история создания меланхолической комедии о потерянном мире», «Братья Коэн. Вдвоем против Голливуда», «Джонни Депп. Безумец с множеством лиц»)

Научный редактор – Станислав Дединский (историк кино, продюсер издательских проектов киностудии «Союзмультфильм»)

Корректор – Ольга Шупта («Секс в большом городе. Культовый сериал, который опередил время. Как четыре девушки изменили наши взгляды на отношения и жизнь», «Отель «Гранд Будапешт». Иллюстрированная история создания меланхолической комедии о потерянном мире», «Клинт Иствуд. Последний ковбой. Биография»)

Корректор – Светлана Седелкина («Сверхъестественное. Как актеры и фанаты помогли друг другу уничтожить внутренних монстров», «Секс в большом городе. Культовый сериал, который опередил время. Как четыре девушки изменили наши взгляды на отношения и жизнь», «Отель «Гранд Будапешт». Иллюстрированная история создания меланхолической комедии о потерянном мире»)

Корректор – Наталия Тормосина («Друзья. Больше, чем просто сериал. История создания самого популярного ситкома в истории», «Моя удивительная жизнь. Автобиография Чарли Чаплина»)

Предисловие

В начале девяностых я был комиком и начинающим сценаристом и зарабатывал на жизнь тремя способами. Днем работал в Comic Relief, помогая собирать деньги для бездомных в клубах стендаперов, за что мне платили 200 долларов в неделю. Я занимался стендапом и импровизацией и много ездил по стране. И писал шутки для других комиков, например для Розанны Барр, Тома Арнольда, Джеффа Данэма, Джорджа Уоллеса, Тэйлора Негрона и Гарри Шендлинга.

Я ждал большого прорыва, но он никак не случался. Некоторые из моих друзей, например Дэвид Спейд и Роб Шнайдер, а позже и Адам Сэндлер, получили работу сценаристов и актеров в Saturday Night Live, но я никак не мог их уговорить взять меня тоже. Джим Керри платил мне из своего кармана за скетчи, которые я писал для In Living Color, но ни в какую официальную работу это не вылилось.

Я был в состоянии безысходности и хотел что-то предпринять, поэтому решил написать так называемый «пробный сценарий»: если коротко, это что-то вроде письменной работы для потенциальных авторов комедийных сериалов. Моими любимыми телевизионными программами того времени были «Симпсоны» и «Получите жизнь!» Криса Эллиота. Я взялся за дело и за пару месяцев написал по пробному сценарию для каждой программы. В то время мне казалось, что получилось очень хорошо, но, когда я разослал их на студии, почему-то никто из них не загорелся желанием взять меня на постоянную работу. На собеседование меня позвали только однажды – Дэвид Миркин, продюсер «Получите жизнь!», и то мне кажется, что Гарри Шендлинг заставил его со мной встретиться.

Единственный ответ на мои сценарии я получил от Майка Рейсса и Эла Джина, исполнительных продюсеров «Симпсонов». Мне сказали, что сценарии им понравились, но штатные писатели на тот момент были не нужны. И хотя это был отказ, моя самооценка все же поднялась: авторы моего любимого шоу сказали что-то положительное. В карман это было не положить, но такая реакция все равно была лучше, чем ответы от всех других продюсеров того времени (их ответом была тишина).

Получить постоянную работу мне тогда так и не удалось, поэтому я взялся за несколько проектов, включая «Шоу Бена Стиллера». После того как его отменили, а это случилось всего через несколько месяцев после премьеры, мне позвонил Майк Рейсс. Он сказал, что они с Элом делают новый мультсериал «Критик» и хотели бы позвать меня на постоянную работу. Я просто не мог поверить своим ушам. Ему действительно понравился мой пробный сценарий для «Симпсонов»! Кстати, через двадцать два года Майк и Эл попросили меня превратить этот пробник в настоящий сценарий серии «Симпсонов».

Недавно, перечитав свой пробный сценарий, я понял, насколько он слабый. Тот факт, что Майк поверил в меня, когда я был еще сущим ребенком, оказался поворотным моментом моей карьеры. Мне точно не было места в их комнате сценаристов. Я ничего не знал о том, как строить истории. Я не заслуживал входного билета. Но он увидел что-то во мне и заинтересовался моими текстами и моей карьерой. Когда ты молод, тебе так важно получить работу, что не задумываешься о невероятно щедром жесте человека, дающего тебе ее и открывающего тем самым перед тобой двери.

Когда я сидел в комнате сценаристов «Критика», то отдавал себе отчет, что работаю бок о бок с одними из лучших комиков в мире. Я был в перманентном восхищении. И больше всего восхищался Майком, бесконечно забавным и добрым, всегда в хорошем настроении. Он питчил реплику за репликой, и все они были настолько смешными, что я боялся открыть рот со своими вариантами, – но заставлял себя это делать и в итоге получил невероятное комедийное образование от Майка, Эла и Джеймса Брукса. Я читал и смотрел все, что создал Майк; он

не только превосходный комик, но и прекрасный человек, благодаря которому жить на Земле стало чуточку лучше. Господи, благослови Майка Рейсса.

Джадд Анатолу

Открывающие титры

Ну, давайте начнем.

С самого первого сезона, с января 1990 года, каждая серия «Симпсонов» начинается с шутки, которую не замечают десятки миллионов зрителей за сотни миллионов просмотров. Когда название сериала выплывает из-за облаков, сначала вы видите только первую половину фамилии, «The Simps»; вторая показывается чуть позже. *Ну и что?* Ну, в английском языке «Simp» означает «простаки, туповатые граждане» – как те, которых вы увидите в сериале. Если вы упустили эту шутку, не огорчайтесь – большинство наших сегодняшних сотрудников тоже о ней не догадываются.

(Другие шутки, которые вы тоже могли не понять: «История игрушек» рифмуется с «Магазином игрушек», «Блондинка в законе» обыгрывает крайнюю степень близорукости, а в логотипе «Баскин Роббинс» скрыта цифра 31, отсылающая к их слогану про 31 вкус мороженого. Видите, вы уже узнали столько нового, а это только первая страница!) В открывающих титрах «Симпсонов» мы помещаем столько шуток, сколько некоторые ситкомы используют за всю серию (или за все восемь сезонов «Большого ремонта»). Титры всегда начинаются с «шутки с доской», которую Барт исписывает одинаковыми фразами, например, «Нервно-паралитический газ детям не игрушка!», а заканчиваются титры всегда «диванной шуткой», когда Симпсоны собираются на своем диване и происходит что-нибудь неожиданное (например, диван их сжирает). Когда в 2009 году сериал стал выходить в высоком разрешении, мы добавили еще шуток – «пролет» (когда кто-нибудь из персонажей пронесется мимо названия в странном транспортном средстве) и анимированный рекламный щит. Соло Лизы на саксофоне тоже меняется от недели к неделе; в последнее время вместо саксофона мы заставляли ее играть на арфе и терменвоксе.

Идея постоянно меняющихся титров пришла из неожиданного источника – «Клуба Микки Мауса» образца пятидесятых годов. Тамешние финальные титры выглядели так: Дональд Дак бьет в гонг, и происходит какая-нибудь катастрофа. Гонг взрывается, Дональд Дак начинает вибрировать... Вариантов было много, но в конце концов утке всегда доставалось.

Наша первая шутка с доской была простой и изящной: «Я больше не буду расходовать мел». Отличная шутка. Но потом все быстро покатило под гору: через две серии фраза превратилась в «Я больше не буду рыгать на уроке». И хотя нам удалось придумать несколько неплохих («Фасоль – это не фрукты и не нота»), эти шутки очень сложно писать из-за того, что фразы длиннее десяти слов невозможно успеть прочитать на экране. Кроме того, когда мы начали вообще отказываться от шуток с доской, никто не обратил на это внимания. На самом деле еще шестнадцать лет назад Барт писал на доске: «Никто это больше не читает».

Диванные шутки гораздо веселее... Но и возни с ними намного больше. Раньше мы повторяли каждую шутку раз в год, в итоге получалось одиннадцать диванных шуток на сезон из двадцати двух серий. Но мы быстро поняли, что, когда люди видят старую диванную шутку, они думают, что смотрят повтор, и переключают канал. Сегодня почти у каждой серии есть своя уникальная диванная шутка.

Как правило, мы пишем шутки для титров в конце рабочего дня. Когда есть шанс, что мы уйдем из офиса в полшестого вечера и успеем попасть домой к горячему ужину и неспящим детям, босс говорит нам заняться досками и диванными шутками.

Наши диванные шутки пародировали открывающие титры других сериалов: «Теории большого взрыва», «Игры престолов» и «Во все тяжкие». Однажды Симпсонов раздавила гигантская нога из открывающих титров «Летающего цирка Монти Пайтона». Шоураннер Дэвид Миркин настоял на использовании именно той же ноги, что была у пайтонов: с картины Аньоло Бронзино «Аллегория с Венерой и Амуром».

Некоторые диванные шутки – настоящие мини-эпосы. Всего за семьдесят секунд мы показывали всю историю человечества – начиная с амебы, которая эволюционирует в обезьяну, потом в пещерного человека, а потом деградирует до Гомера Симпсона. Мы сжали трилогию «Властелин колец» до минуты и тридцати девяти секунд. Иногда нам даже не нужно работать, потому что приглашенные художники делают все за нас! У нас была возможность поработать с аниматорами, перед которыми мы преклоняемся: Биллом Плимптоном, Доном Херцфельдом и командами «Робоцыпа» и «Рика и Морти». Гильермо дель Торо сделал трехминутные титры, где процитировал все фильмы ужасов в истории, и это просто невероятно.

Потом, есть еще знаменитый анонимный художник Бэнкси. Эл Джин связался с ним (с ней? с ними?) через продюсера документального фильма «Выход через сувенирную лавку». Бэнкси нарисовал уморительную оруэлловскую версию корейской анимационной студии, где делается наш сериал: в его титрах DVD с «Симпсонами» нанизываются на рог измученного единорога, а потом упаковываются в коробку при помощи языка мертвого дельфина; живые белки пропускаются через шредер, чтобы стать набивкой для кукол Барта Симпсона, которые увозит на тележке нездорового вида панда. Нам все страшно понравилось; нашим корейским аниматорам – нет. (Я был первым сценаристом «Симпсонов», посетившим нашу студию в Сеуле; сотрудники, преимущественно женщины, работают в намного более просторных и светлых офисах, чем наши сценаристы; и многие из них смотрят на телефонах корейские мыльные оперы во время работы).

Моя самая любимая диванная шутка вышла в тот вечер, когда наш сериал забрал у «Флинтстоунов» звание самого долгоиграющего эфирного анимационного сериала в истории. Симпсоны вбегают в гостиную, где видят, что на их диване сидят Флинтстоуны. Продюсеры этого сериала, компания Hanna-Barbera, потребовали, чтобы присутствие Флинтстоунов было оплачено по ставке приглашенных артистов, что мы и сделали! Фред, Вилма и Пебблз получили на троих четыреста баксов.

Жгучий вопрос

Где находится Спрингфилд?

По ходу книги я буду отвечать на вопросы, чаще всего задаваемые зрителями «Симпсонов».

Начнем с главного:

Где находится Спрингфилд?

Название «Спрингфилд» было выбрано создателем сериала Мэттом Грейнингом за его полнейшую невыразительность. Это название города, в котором происходит действие никакущего ситкома «Папа знает лучше», вышедшего в пятидесятые, и одно из самых распространенных географических названий в Америке – больше только Риверсайдов и Файв-пойнтов. В сорока трех американских штатах имеется сорок восемь Спрингфилдов, то есть в пяти штатах есть по два Спрингфилда. Богатое воображение, парни.

Но грейнинговская версия Спрингфилда не была задумана как угадка; как и почти все в «Симпсонах», это не было запланировано изначально. И на сегодняшний день мы дали зрителям столько подсказок, что этот город просто не может быть нигде. Вспомним, что нам известно: Спрингфилд окружен океаном с запада и востока. Однажды мы сказали, что Восточный Спрингфилд в три раза больше Техаса. А в одной серии мы видим, как Гомер утром убирает

со двора снег, а вечером валяется на улице в гамаке и попивает лимонад. Вопрос остается только один: на какой планете находится Спрингфилд?

Серия «По ту сторону смеха» – обладатель премии «Эмми» – упоминает, что Симпсоны живут в северной части Кентукки. Правда, в субтитрах написано, что они из Миссури. Выбирайте, что больше нравится. Для повтора мы поменяли штат на Иллинойс. А на DVD говорится, что они живут на «небольшом острове».

В «Симпсонах в кино» Нед Фландерс говорит, что штат, в котором расположен Спрингфилд, граничит с Огайо, Невадой, Мэном и Кентукки. Перед премьерой фильма был даже конкурс, где жителям разных Спрингфилдов предлагалось снять видео, объясняющее, почему именно их город – родина Симпсонов. За честь называться самым тупым, жирным и грязным городом Америки соревновались тринадцать городов. В фильме Спрингфилда, штат Массачусетс, фигурировал сенатор Тэд Кеннеди, он пригласил очень похожего на себя Мэра Куимби приехать в гости. Это было мощное выступление со стороны Кеннеди – особенно с учетом того, что, как я слышал, он ненавидит нашего персонажа. И несмотря на все это, Массачусетс проиграл. Победителем стал Спрингфилд, штат Вермонт. (Комик Генриэтта Мантел родилась в Спрингфилде, штат Вермонт, и она говорила мне, что ничего общего между нашим Спрингфилдом и ее родным городом нет.)

Мне понравилась фраза Джона Шварцвальдера, остроумного сценариста пятидесяти девяти серий «Симпсонов»; по его словам, «Спрингфилд находится на Гавайях». Но несколько лет назад Мэтт Грейнинг сообщил, что действие сериала происходит в городке, рядом с которым он вырос: Спрингфилд, штат Орегон. Но он-то что может об этом знать?

Первый акт

Надеюсь, эта книга похожа на серию «Симпсонов»: стремительная, полная быстрых сцен и набитая сотнями шуток, и некоторые из них даже смешные. Я и структурировал ее как сценарий «Симпсонов», состоящий из четырех частей: сетап (начало шутки. – *Прим. ред.*), усложнение, разрешение и кода. Аристотель считал, что драматургия состоит из трех актов, и такой структуре обычно следует классическое кино. У нас актов четыре, а значит, мы на один акт лучше Аристотеля. Кроме того, четыре акта позволяют продавать больше рекламы.

Структура «Симпсонов» не похожа ни на один предшествующий сериал. Первый акт каждой серии начинается с последовательности эпизодов, не имеющих ничего общего с сюжетом: это может быть визит в аквапарк, посещение музея марок, визит в *крытый* аквапарк... Кажется, у нас заканчиваются идеи. История как таковая начинается только в конце первого акта, причем она почти не связана с тем, что было в начале серии: Гомер ссорится с Мардж в кинотеатре и в итоге становится менеджером кантри-певца; похороны Бабули превращаются в историю о том, как Симпсоны купили теннисный корт; Лиза становится ветеринаром после... визита в аквапарк.

Первый акт этой книги будет таким же: во всем этом есть смысл, просто вам его не видно.

Глава первая

Начало

Работу в «Симпсонах» я заполучил так же, как мою жену: я был не самым заманчивым вариантом, но никого другого поблизости не оказалось.

Я работал в ситкоме «Это шоу Гарри Шендлинга», имевшем вторые лучшие рейтинги с конца. (Худшие рейтинги были у «Шоу Трейси Ульман», в котором имелись короткие мультфильмы с участием уродских желтых человечков.) «Шоу Шендлинга» уходило на летние каникулы, а его шоураннер запускал новый ситком «Пацаны», действие которого происходило во Friar's Club. Как же я хотел эту работу, которая позволила бы мне писать шутки для Норма Кросби и Нормана Фелла, двух моих самых любимых Норманов!

Никто не хотел работать в «Симпсонах». Мультфильмы не выходили в прайм-тайм со времен «Флинтстоунов», то есть уже целое поколение. Хуже того, сериал запускался на телеканале Fox – в сущности, стартапе, в перспективе которого никто не верил.

Я начал работать... но никому не говорил, чем я занимаюсь. После восьми лет сценариев для кино, ситкомов и даже Джонни Карсона я начал писать для мультфильма. Мне было двадцать восемь лет, и я думал, что ниже падать уже некуда.

Тем не менее я был давним фанатом Мэтта Грейнинга и исполнительного продюсера Сэма Саймона. Им очень нравилось делать этот сериал, и ощущение было заразительным. Это была летняя работа, похожая на мои прошлые летние работы (продавать посуду, заполнять свидетельства о смерти), – мы знали, что все это ненадолго, поэтому особо не заморачивались. У нас не было даже нормального офиса. Студия была о нас такого невысокого мнения, что разместила в трейлере. Я думаю, если бы сериал провалился, они бы просто отогнали трейлер к берегу Тихого океана и утопили сценаристов, как крыс.

Мы с Элом Джинном быстренько написали три из восьми первых серий: «Домашнее позорище», в финале которой Симпсоны бьют друг друга током во время семейной консультации; «Стонущая Лиза», где депрессивная Лиза знакомится с великим джазменом Мерфи Кровавые Десны; «Предательская голова», в которой Барт отпиливает голову у статуи Джебедаи Спрингфилда. Также именно в этой серии впервые появились Сайдшоу Боб, Преподобный Лавджой, Клоун Красти и хулиганы Джимбо, Дольф и Керни.

Пока я все это писал, мне не давала покоя мысль: «Лучше бы я придумывал шутки для Нормана Фелла». Поскольку никто не хотел работать над «Симпсонами», у нас подобралась разношерстная компания сценаристов, и никто, кроме меня и Эла, раньше не писал ситкомы. Они работали над скетчами, вечерними телешоу, даже рекламой. Однажды, еще до премьеры сериала, я сидел в трейлере с другими сценаристами. Когда Мэтт Грейнинг вышел наружу, я задал вопрос, не дававший нам всем покоя: «Как думаете, сколько продержится наш сериал?»

У всех сценаристов на это был один ответ. Шесть недель. Шесть недель, шесть недель, шесть недель. Только Сэм Саймон был оптимистичнее. «Думаю, тринадцать недель, – сказал он. – Но не парьтесь, никто все равно его не увидит. Ваша карьера не пострадает».

Возможно, это и есть секрет успеха сериала: поскольку мы не думали, что его вообще будут смотреть, мы не делали то, что видели раньше по телевизору; мы делали то, что хотели бы видеть по телевизору. Это было непредсказуемо: в одну неделю мы писали детектив, а в другую – пародировали французский фильм «Манон с источника». Мы придумали себе единственное правило – не быть скучными. Эпизоды были хлесткими и набитыми шутками в диалогах, на заднем плане, на переднем плане. Когда Гомер в шестой серии идет в зал игровых автоматов, мы с Элом заполнили это место играми с названиями типа «Побег из бабушкиной квартиры», «Крысоед» и «Атака Робера Гула». И если вы упустили шутку, не было ничего страшного: тогда

в Америке появились видеомэгнитофоны, так что вы могли записать серию и пересмотреть ее позже.

Не забудьте, это был 1988 год, и самым популярным сериалом было «Шоу Билла Косби». Это был отличный сериал... но о-о-о-чень медленный. Ничего никогда не происходило в «Шоу Билла Косби». (Зато многое произошло после «Шоу Билла Косби».)

Шуточное ли дело: самым динамичным и жестким сериалом на телевидении в то время были «Золотые девочки», ситком про три трупа и мумию. (Я начинал в ситкомах со сценария для «Золотых девочек». Теперь я и *сам* одна из них.)

Дэн Кастелланета о перспективах «Симпсонов»

«Когда я прочитал первый сценарий, я просто обалдел. Это было действительно хорошо написано. Я не знал, насколько успешным будет сериал, но если бы мы сняли только тринадцать серий, это был бы как минимум культовый хит. Да, сценарии были настолько хороши».

Голоса Симпсонов

За год мы написали тринадцать сценариев, после чего настала пора так называемой читки. Это процесс, когда сценаристы и продюсеры собираются в переговорной и слушают, как актеры впервые читают сценарий по ролям. Это, наверное, важнейшая часть процесса. Как звучат и взаимодействуют персонажи? Работает ли история? Смеются ли над шутками пятьдесят или шестьдесят человек в комнате?

Наша первая читка была в начале 1989 года – тогда актеры «Симпсонов» собрались в одном месте и прочитали серию целиком. Я вспомнил Дэна Кастелланету (Гомер) по «Шоу Трейси Ульман – 2»; что касается Джули Кавнер (Мардж), то в нее я был влюблен, еще когда она играла Бренду Моргенштерн в «Роде». До сих пор влюблен. Хотя к тому моменту я участвовал в написании трех серий, но понятия не имел, что детский голос будет озвучивать взрослая женщина. Я думал, Барта будет играть мальчик, а не тридцатидвухлетняя Нэнси Картрайт; еще более диким было то, что Ярдли Смит, вполне взрослая женщина, почти не меняла свой голос при озвучивании Лизы Симпсон.

«Каково же бедной девушке всю жизнь жить с таким голосом», – подумал я тогда. С тех пор «бедная девушка» получила «Эмми» и заработала 65 миллионов долларов – и все благодаря голосу.

Хэнк Азария тогда еще с нами не работал; Мо озвучивал комик Кристофер Коллинз (Хэнк появился позже, и мы перезаписали все реплики Мо в уже готовых сериях). Легенда мультипликации Джун Форей (летающая белка Рокки!) тоже поучаствовал в первой читке, но его голос звучал слишком мультяшно для нашего сериала. Местный радиодиджей играл психиатра Маврина Монро, но мы его сразу же уволили. (Позже мы убили и Марвина Монро как персонажа. А потом диджей, бывший прототипом нашего психиатра, покончил с собой. Какой-то проклятый персонаж.)

Комедийный сценарист Джерри Белсон, считавшийся одним из самых смешных людей в мире, был приглашен добавить в наш сценарий шуток. Он предложил только одну: в описании пациента психбольницы мы говорили, что он «грызет ногти (чужие)». Версия Джерри: «писается в постель (чужую)».

Тогда я не отдавал себе отчета, каким эпохальным событием является эта читка, потому что, честно говоря, она им не была. Все прошло как-то пресно и медленно. Мало смеха. Никто

не мог предположить, что нам предстоит еще шестьсот таких читок. Перспективы у «Симпсонов» были не очень, и они вот-вот готовы были еще ухудшиться...

Нас почти отменили... Еще до премьеры

Фох дала нам огромный кредит доверия, когда заказала первый сезон «Симпсонов». С анимационным сериалом студия не может просто заказать пилот и потом решить, запускать ли сериал в производство: делать всего одну серию мультфильма безумно дорого. Кроме того, анимация – это медленный процесс: от пилота до первой серии прошел бы год. К тому времени руководство канала, заказавшего шоу, уже будет уволено, покинет бизнес или начнет скрываться от правосудия.

Поэтому Фох пришлось заказать сезон из тринадцати серий «Симпсонов» целиком и заплатить за него порядка 13 миллионов долларов, не увидев ни одного кадра анимации.

Наша первая законченная, полностью колоризованная серия, пилот под названием «Тот еще чарующий вечер», едва пришла из-за границы. Хотя наша базовая анимация делается в Голливуде, весь сериал нарисован и анимирован вручную в Корее. Южной Корее. Которая хорошая. Сюжет пилота такой: знаменитая Няня-преступница (Миссис Ботс) пытается ограбить дом Симпсонов, пока Гомер и Мардж наслаждаются романтическим вечером вдали от детей.

Когда сценаристы и руководство Фох посмотрели серию, все решили, что она ужасна. Полный провал. Сценарий был кривоват – с пилотами это не редкость но хуже всего была анимация: дом Симпсонов перекошило, Гомера шатало из стороны в сторону, весь Спрингфилд казался сделанным из резины.

Просмотр закончился в мертвой тишине. Собравшиеся уставились на экран, как будто только что увидели первый акт «Весны для Гитлера». Кому-то надо было что-то сказать. Наконец, сценарист Уолли Володарски иронично крикнул: «Запускайте снова!»

Фох была взбешена. Это вполне мог бы быть конец «Симпсонов». Но на следующей неделе пришла вторая серия, «Гениальный Барт», в которой Барт обманывает тест на IQ и попадает в школу для одаренных детей, – и эта серия, к счастью, была отличной. Ее уверенно срежиссировал Дэвид Сильверман, а сценарий написал один из наших лучших авторов, Джон Витти. Эта серия укрепила всеобщую веру в «Симпсонов».

Сложившаяся ситуация заставила нас поменять изначальный порядок выхода серий. Поэтому через три месяца «Симпсоны» стартовали с девятой серии, «Прожарка Симпсонов на открытом огне», в качестве рождественского выпуска. «Гениальный Барт» стал первой регулярной серией; оригинальный пилот переместился в финал сезона, дав нам время исправить анимацию.

В декабре 1989 года мы устроили в боулинге вечеринку по случаю премьеры. Не очень внушительно, но Фох не горела желанием заваливать деньгами наш и без того дорогой маленький сериал.

И в восемь вечера «Симпсоны» вышли в эфир. Мы бросили боулинг и уставились на экраны. И... это было смешно, трогательно, остроумно и по-доброму; никто из нас подобного не ожидал.

Вскоре после этого кто-то из PR-отдела Фох принес подборку рецензий из газет со всей страны: критикам не просто понравился сериал, они называли его «потрясающим» и «прорывным». На следующее утро мы узнали, что «Симпсоны» дебютировали с самым высоким рейтингом в истории телеканала Фох. Это был моментальный успех, и все мы были вне себя от счастья. За исключением одного человека.

Сэм Саймон листал подборку рецензий с кривой усмешкой. Наконец он с грустным смешком сказал: «Они ни разу меня не упомянули».

Это не такая уж придирка, как может показаться на первый взгляд. «Симпсоны» были величайшим достижением Сэма в его и без того мощной карьере, включающей «Такси» и «Чирс». Сэм нанимал всех авторов «Симпсонов», задавал тон сериалу, доводил до ума все истории и редактировал каждый сценарий. И, к его удивлению, Мэтт Грейнинг получил все лавры.

Мэтт никогда не присваивал себе всю славу. Во всех интервью он перечислял нас всех по именам. Когда он был на «Вечернем шоу», я помню, он называл авторов. Но Джей Лено его перебивал.

Почему?

Потому что получался отличный нарратив: «*андеграундный мультипликатор меняет телевидение, наплевав на все правила*» вместо «*андеграундный мультипликатор меняет телевидение при помощи опытного продюсера (Сэма Саймона)*».

Так запустились «Симпсоны». Зрители нас обожали. Критики нас обожали. А мы начинали друг друга ненавидеть.

Симпсономания!

Через несколько месяцев после премьеры о «Симпсонах» не просто писали в газетах – о них писали во всех рубриках газет! Новости, развлечения, спорт, бизнес: редакторы сообщали, что карикатура с Бартом привлекает больше внимания, чем, скажем, фотография госсекретаря Лоуренса Иглбергера. И 90 процентов всего, что я читал про «Симпсонов», было враньем – так я понял, что 90 процентов всего, что написано в газетах, вероятнее всего, вранье.

Пример: когда блюзовый гитарист Стиви Рэй Вон погиб в авиакатастрофе, одна газета сообщила, что его последней работой была песня для альбома «Симпсоны поют блюз». На самом деле он сказал нам: «Да пошли вы! Я не буду ничего записывать для вашего идиотского альбома».

В 1990 году Мэтт Грейнинг оказался в списке самых обожаемых людей Америки, а Сэм Саймон был ответом на вопрос викторины, напечатанной на вкладыше к жвачке «Симпсоны». Мир упорно перекладывал всю славу на Мэтта, что безумно расстраивало Сэма. В офисе он психовал, топая ногами, как Сальери в «Амадее».

Сэм оставался шоураннером и продолжал выдавать классические сценарии, с ним обычно было весело. Но когда в офис заходил Мэтт, Сэм злобно на него косился и отпуская колкости.

Я сочувствовал Сэму, но Мэтта тоже жалел. Величайшее достижение его жизни... а его терпеть не могут в собственном офисе. Однажды я отвел Мэтта в сторону и сказал: «Не все тебя ненавидят».

Когда Сэм об этом узнал, он страшно разорался: «*Что за чушь? Кто это сказал?*» Я так никогда и не признался.

Ах, черт! Только что признался.

Удивительным образом Сэм превратил свое огорчение в отличную серию. Он предложил историю, где Гомер, как Сэм, создает нечто невероятное. а Мо получает все лавры. Гомера захлестывает ярость, и он уничтожает и себя, и соперника. Серия называется «Пылающий Мо» и считается одной из лучших в истории «Симпсонов».

Эта холодная война продолжалась на протяжении двух первых сезонов. В итоге Сэм и Мэтт друг с другом не разговаривали и портили всем то, что должно было стать двумя счастливыми годами. И как все разрешилось? Сэма отстранили от управления сериалом и заменили двумя придурками – мной и Элом Джином. Единственное, чем я до того момента управлял, была посудомоечная машина.

Эл Джин о том, какво быть шоураннером

«Мы с Майком перепугались, потому что уже понимали – это великий, классический сериал. Мы покинули «Альф» на втором сезоне, а уже на четвертом его сняли с эфира. Поэтому я переживал, что, если «Симпсонов» отменят под нашим руководством, мы будем виноваты в гибели этой невероятной истории. Такие случаи были: сериалы, нацеленные в основном на детскую аудиторию, вроде «Альфы» или «Морк и Минди», громко выстреливали и стремительно погибали. Их успех был мимолетным. Поэтому мы с Майком стали безостановочно работать над «Симпсонами», чтобы с нами подобного не случилось».

Кто тут гений?

Через много лет после ссоры Мэтта с Сэмом зрители продолжают спрашивать: что за гений придумал «Симпсонов»? Над сериалом работают двадцать сценаристов, десятки аниматоров, сорок семь продюсеров, а также постоянные и приглашенные актеры озвучивания, но всем нужно найти *единственного* гения. Это объяснимо – мы любим героев.

Много лет этот титул принадлежал Мэтту Грейнингу. Он, в конце концов, придумал этих маленьких засранцев. Потом гением назначили Сэма Саймона, а затем – сценариста Джорджа Майера, про которого написали в гомерически смешном журнале *New Yorker*. Странное дело, но меня никто в гении не определил... включая меня самого.

Так кто тут гений? Я бы сузил мой ответ на этот вопрос до трех человек. На самом деле, четырех. Нет, пяти. Хотя ладно, тринадцати.

Определенно, Мэтт Грейнинг придумал «Симпсонов», и это невероятная история. Мэтт был лос-анджелесским андеграундным мультипликатором, когда его позвали в «Шоу Трейси Ульман». В этой программе были минутные анимационные вставки (помимо выступлений живых актеров), но никто не был от них в восторге. Мэтта позвали «просто познакомиться» – он не собирался им ничего предлагать. Но незадолго до встречи кто-то ему сказал: «Мы очень ждем вашей новой идеи!», которой у Мэтта не было. Поэтому за пять минут до встречи он набросал семейство Симпсонов.

У него ушло пять минут, чтобы придумать один из самых почитаемых сериалов в истории телевидения. Страшно подумать, что бы произошло, если бы у него было полчаса.

Как он успел так быстро? Для начала, он назвал персонажей именами своей семьи: его родителей Гомера и Мардж, его сестер Лизы и Мэгги. Он уверяет, что Барт – это рифма к «гад», но, мне кажется, дело не обошлось без его брата Марка.

Короткометражные «Симпсоны» были так плохо нарисованы, что никогда не выпускались на DVD; так плохо, что Fox даже не пыталась на них заработать. Но они быстро улучшились благодаря гениальности Мэтта как художника. Однажды он мне сказал: «Ключ к «Симпсонам» в том, что каждый из них узнаваем на уровне силуэта». Это невероятное наблюдение, ничего похожего я не слышал ни от одного мультипликатора. На заре существования сериала, когда мы просматривали драфты анимации, он останавливал пленку каждые несколько секунд: «Ненавижу эти полоски вокруг глаз Барта! Этот держатель для салфеток слишком маленький!». Я думал, он псих, но сейчас понимаю, что Мэтт тогда работал над максимально точным обликом сериала. Кроме того, держатель для салфеток *и правда* был слишком маленьким.

Когда понадобилось превратить короткометражки в получасовые серии, Мэтт стал работать с Сэмом Саймоном. Сэм был телевизионным вундеркиндом, шоураннером сериала

«Такси» в возрасте двадцати трех лет, после чего перешел на «Чирс» и «Это шоу Гарри Шендлинга». Сэм руководил сценарной группой «Симпсонов» в течение первых двух сезонов и выработал характерное для сериала сочетание высоколобых и тупых шуток, и все это на дикой скорости.

Так что если Мэтт – это изобретатель электрической лампочки Томас Эдисон, то Сэм – это Джордж Вестингауз, построивший завод по производству этих лампочек.

Потом был Джеймс Л. Брукс. (Я зову его Джим. А вы – нет.) Джим дал персонажам душу и предлагал долгие, прочувствованные монологи, придавшие «Симпсонам» неожиданную глубину. Если продолжить метафору, то Джим дал лампочке сердце. Ладно, не будем продолжать метафору.

Есть простой способ все это запомнить: Мэтт – это рисунки, Сэм – это глубина, Джим – это душа. Простой, но неправильный, потому что Мэтт и Джим также предлагали отличные шутки, а Сэм неплохо рисовал. В институте он был карикатуристом и в итоге создал Мистера Бернса и Мерфи Кровавые Десны.

И раз уж речь зашла о рисунках, давайте не забудем о Дэвиде Сильвермане – руководителе анимации сериала на протяжении десятков лет. Именно он первым предложил Джиму превратить одноминутные короткометражки «Симпсонов» в еженедельный анимационный сериал – с того момента, как «Флинтстоуны» шли в прайм-тайм, прошло двадцать лет, и никто уже не помнил, как это делается. Сильверман довел до ума стилистику сериала и задал высокие стандарты анимации. (Даже в детстве, смотря «Флинтстоунов», я думал: «Они бегут мимо одной и той же дурацкой пальмы!») Под началом Дэвида работали великолепные аниматоры, включая будущих обладателей «Оскара» Брэда Берда («Рататуй», «Суперсемейка») и Рича Мура («Зверополис»).

И нельзя не упомянуть Эла Джина, на чью долю выпала кошмарная работа быть шоураннером «Симпсонов» на протяжении двух-трех десятков сезонов. Вспомним также о наших шести основных актерах – Дэн Кастелланета, Джули Кавнер, Нэнси Картрайт, Ярдли Смит, Хэнк Азария и Гарри Ширер, давших свои голоса не только семейству Симпсонов, но и остальным двум сотням обитателей Спрингфилда.

Вот вам и ответ – эти тринадцать человек и есть гений, ответственный за успех «Симпсонов».

Вот и все, ребята!

В 1993 году, посреди четвертого сезона, Сэма Саймона попросили покинуть сериал, в создании которого он участвовал; в 2015 году он безвременно скончался – в возрасте пятидесяти девяти лет. Его имя как исполнительного продюсера оставалось в титрах «Симпсонов» до конца его жизни, и он получал зарплату, хотя не работал над сериалом и даже не появлялся в офисе больше двух десятков лет. Что касается Мэтта, то «Футурама» позже доказала – он и без Сэма способен создавать умные и провидческие сериалы.

В конце концов Сэм справился со своим гневом, сказав: «Сначала все преуменьшали мои заслуги в «Симпсонах», а теперь преувеличивают». Мэтт сообщил нечто подобное журналу *LA Weekly* в 2007 году: «Я один из тех, кого все время перехваляют».

Так что вот: теперь вы знаете самый мрачный секрет нашего сериала. Больше сплетен у меня нет. (Ладно, в главе 12 еще будет грязюка по поводу кроссовера «Симпсонов» и «Критика».)

Возможно, это и есть ключ к долголетию сериала: в нашей комедии нет драмы. «Симпсоны» продолжают всем нравиться, потому что все мы друг другу нравимся: актеры, мультипликаторы и сценаристы уважают друг друга. Конечно, у сериала еще осталось немало секретов, но о них вам придется узнать от кого-нибудь другого.

А теперь давайте вернемся к тому, как я вообще здесь оказался...

Глава вторая

Краткая история меня

Недавно я читал, что пишут про меня на IMDb, потому что кто еще такое будет читать? В дискуссии на форуме под названием «Майк Рейсс Симпсоны DVD Комментарии» кто-то написал: «Этот чувак звучит так, как будто постоянно улыбается».

Это заставило меня улыбнуться.

Следующий пост: «Ага. Раздражает дико!».

Я перестал улыбаться. Ну и шут с ним. Я и правда много улыбаюсь, потому что у меня самая смешная работа в мире. И потому что я женат на прекрасной женщине, которая смеется над моими шутками. И потому что я уверен, что слово «смешнучий» существует.

Первые три года своей жизни я провел, сидя в манеже и молча улыбаясь, как идиот. В конце концов мама отвела меня к доктору, который сказал: «У вашего мальчика нет задержек в развитии, просто он чуть-чуть туповат».

Давайте спишем это на то, что жизнь казалась мне забавной даже в самом юном возрасте. Кажется, я придумывал шутки другим детям, типа «мой папа кормит меня грудью». (Слушайте, а неплохо!) Но, чтобы лучше понять мое детство, надо начать с шутки. С шутки о шутках:

Заключенный выходит в тюремный коридор и орет: «Семьдесят три!» Все остальные эки смеются. Новенький спрашивает охрану, что происходит. Ему объясняют, что на всю тюрьму есть один сборник анекдотов, и заключенные его выучили наизусть. Тут новенький встает и кричит: «Сорок восемь!»

Никто не смеется. Он спрашивает охранника, почему так. Охранник говорит: «Да это надо рассказывать уметь».

Мое детство было как та тюрьма. Я вырос в доме, где все любили и умели шутить. Мы изучали «Словарь шуток Джоуи Адамса», как в религиозных семьях изучают Библию. На самом деле никто из нас не досказывал шутку до конца. Достаточно было ключевых слов, типа «бутерброд со слоновьиими ушами», и все заливались смехом.

Я вырос в пригороде Коннектикута; средний из пяти детей. Мой брат занимался стендапом, а сестра написала книгу шуток для логопедов под названием «*Сколько логопедов нужно, чтобы заменить отоларинголога?*». (Оценка на Amazon – пять звезд.)

Я и сам был забавным парнем. Однажды мама узнала, что наша симпатичная родственница выходит замуж за горбуна. Мама спросила: «Зачем ей это надо?»

Я сказал: «На удачу!» Отец, человек обычно сдержанный, вlepил мне затрещину.

Когда мне исполнилось десять, я предложил моей венгерской бабушке кусок торта. Она сказала на манер еврейского Йоды: «Я хочу, чтобы на следующий год кусочек ты оставил мне».

Я ответил: «Так он до тех пор зачерствеет».

Папа снова вlepил мне подзатыльник. Я начал думать, что за по-настоящему хорошую шутку тебя должны бить по голове.

Мой папа – врач, историк, академик – немного напоминал Гомера Симпсона. Как и все папы. Ну, знаете, сочетание злости, раздражения, любви и снова злости. Мэтт увидел нашего героя в своем отце – Гомере Грейнинге, режиссере-документалисте, который занимался серфингом и, как ни забавно, имел роскошную гриву волос. (Сэм Саймон развивал персонажа на основе уже *своего* отца, имевшего мало общего с Гомером: он был одноногим еврейским миллионером из Беверли-Хиллз.)

Мать моего отца была, кажется, самым забавным членом семьи. Однажды я загадал ей загадку: «Что хуже, чем найти в яблоке червяка?»

Ответ предполагался такой: «Найти в яблоке половину червяка».

Ответ моей бабушки Роузи: «Когда тебе в задницу засунули зонтик... и открыли его».

Это был хороший ответ. И она дала его так быстро, как будто с ней такое и правда случилось. Может, это казаки сделали. А может, бабушка.

Моя другая бабушка объединяла в себе все лучшие черты нашей семьи. Баба Микки была еврейкой из Южной Каролины (это как быть баптистом). Однажды после семейного ужина она сказала: «Вы все так много шутите!» И после короткой паузы добавила: «Шутки, конечно, все тупые».

Бристоль, штат Коннектикут, был промышленным городом, который не производил вещи, – на заводах делали штуки для других штук: провода, пружины, подшипники. Спросите любого бристольца, каково там жить, и они скажут: «Это как город из «Охотника на оленей». Я никогда не мог понять, имеют они в виду Вифлеем или Сайгон.

Но для меня Бристоль всегда был Спрингфилдом. Очень многие детские впечатления оттуда вдохновили меня на «Симпсонов». В одной из самых первых сцен самой первой серии Гомер проигрывает сыну партию в скрэббл, после чего швыряет игру в камин. Отец моего друга сделал именно это. Его звали Мистер Бернс, между прочим. Ларри Бернс. Много лет спустя мы сделали серию, где появляется незаконнорожденный сын Мистера Бернса (озвученный Родни Дэнжерфилдом). По удивительному стечению обстоятельств, сценарист этой серии Йен Макстон-Грэхем назвал персонажа Ларри Бернс. По еще более удивительному стечению обстоятельств, художники нарисовали персонажа как точную копию отца моего друга.

Я рассказал реальному Ларри Бернсу, что мы создали персонажа с его именем и внешностью. Он не особо впечатлился: в Бристолье всем плевать на шоу-бизнес. Но после того, как он умер, я узнал, что настоящий Ларри Бернс скупил всех игрушечных Ларри Бернсов в Америке. Возможно, он создавал армию клонов.

Как многие комики, в юном возрасте я вдохновлялся «Шоу Дика ван Дайка». Но я не хотел стать Диком, симпатичным телевизионным сценаристом, женатым на еще более симпатичной Мэри Тайлер Мур. Я хотел стать Моури Амстердамом, забавным шкетом из сериала, женатым на полной блондинке и постоянном шутившим шутки, но особо не занятым ничем другим.

Всех своих детских целей я успешно достиг.

Кино я тоже любил, особенно фильмы братьев Маркс. То есть ничего необычного. Еще я был фанатом одного из их сценаристов, Эла Босберга, знаменитого «сценарного доктора». Считалось, что Босберг был неспособен написать отличный сценарий, зато гениально доводил до ума чужую работу. Почему-то я сразу знал, кем мне суждено стать: не писателем, а переписывателем. Когда друзья моих родителей спросили, кем я хочу стать, когда вырасту, я так и сказал – сценарным доктором.

«Ой, как это мило, – ответили они. – Он хочет быть доктором, как папочка!»

«Не доктором, дебилы вы сельские. Сценарным доктором!» – буркнул я.

Моя писательская карьера началась в третьем классе. Наша учительница мисс Борверк вдохновила меня на первое стихотворение:

*Наша учительница мисс Борверк
Каждый день ведет урок.*

Ладно, это не Эмили Диккинсон, но мне было восемь лет, чего вы хотите вообще!

Каждый раз, когда я приходил из школы, мама спрашивала, что интересного проходили на уроке. Я говорил: «Ничего». Пока она не ответила: «Вы каждый день проходите ничего! Ну-ка, чтобы завтра мне все подробно рассказал!»

Но на следующий день ничего интересного не проходили. Когда мама спросила, как школа, я запаниковал и в отчаянии сказал: «Сегодня в класс зашла собака, а мисс Борверк выкинула ее в окно».

Такой ответ ее удовлетворил. Поэтому на следующий день, когда ничего интересного опять не проходили, я сказал: «Сегодня мисс Борверк кидалась в детей шариками из промокашки».

А на следующий день: «Мисс Борверк перед всем классом сняла трусы».

Я не отдавал себе отчета в том, что мама всему этому верила! Она позвонила директору и сказала: «Ваша учительница мисс Борверк – сумасшедшая».

Когда директор сделал мисс Борверк выговор за трусы, она огрызнулась: «Я не ношу трусов!» В итоге мисс Борверк наорала на директора, директор наорал на мою маму, мама должна была бы наорать на меня. Вместо этого она купила мне коробку карандашей и пачку бумаги и сказала: «Раз уж ты выдумываешь истории, то хотя бы их записывай».

С тех пор я выдумываю истории...

Включая всю эту сагу про мисс Борверк. Такого никогда не было.

Попались!

Следующие три истории про учителей – абсолютная правда, но, видит Бог, лучше бы была неправда.

Один учитель, которому нравилась моя писанина, говорил: «Следуй своей мечте». Через год его арестовали за следование *его* мечте.

Другой учитель сказал мне: «Будь тем, кем всегда хотел быть». Через шесть лет я встретил его в бостонском салат-баре. Он был моим официантом. Может, именно им он «всегда хотел быть». Но это поднимает интересный философский вопрос: сколько чаевых оставлять человеку, изменившему твою жизнь?

Ответ: 17 процентов.

Наконец, в колледже была такая миссис Дефео, консультант моего факультета, которая кромсала мои студенческие публикации и переписывала все шутки. Это отлично подготовило меня к карьере на телевидении.

Однажды я написал пародию на нашу рубрику «Студент месяца» – героем был очевидно поехавший парень, предлагавший изменить школьные цвета на «черный и темночерный».

Миссис Дефео исправила на «черный и синий». «Не понимаю, как ты упустил такую очевидную шутку!» – сказала она.

«Потому и упустил! – взвыл я. – Потому что это очевидная шутка!» «С таким подходом тебя в юмористы не возьмут».

Каждую ночь я молился Богу, чтобы он наказал миссис Дефео за преступления против юмора.

Через год она выиграла миллион долларов в лотерею.

Бог всегда слышит мои молитвы, но делает прямо противоположное.

Это была обычная районная средняя школа, и я был единственным евреем из полутора тысяч учеников. Тем не менее моя мама говорила: «Ты должен встречаться только с еврейками».

Я ответил: «Мам, под определение подходишь только ты».

Так мы и встречались. Все было неплохо, но ее дети меня ненавидели.

В 1990 году, когда я получил за «Симпсонов» первую «Эмми», я попросил жену сделать фотографию, которую потом отправил в городскую газету Бристоля. Через три дня на ее первой полосе появился мой портрет в смокинге в обнимку с «Эмми». Подпись гласила: «Местный мужчина уверяет, что получил награду».

Вперед, в Гарвард!

Если бы Гарвардский университет вдруг провалился в огромную дыру в земле, я бы подумал: «Бедная огромная дыра в земле!» Я провел в Гарварде четыре года и возненавидел это заведение. И не один я: в 2006 году газета Boston Globe опубликовала рейтинг университетов по параметрам «общественная жизнь» и «интересные занятия». Гарвард занял пятое место... с конца. Потрясающе.

Я с трудом мог представить четыре более скучных института, чем Гарвард. Но потом я увидел рейтинг. Вот эти четыре института:

- Гуантанамский технологический;
- Чернобыльское ПТУ;
- Калифорнийский университет в Алеппо;
- Корнелл.

Преподаватели Гарварда были отстраненными, а предметы – эзотерическими (хотя они и научили меня словам «отстраненный» и «эзотерический»). За четыре года студенчества я научился трем вещам:

1. Как открыть бутылку шампанского.
2. Как сделать бульбулятор из яблока.
3. Как есть все с майонезом (оказывается, он очень вкусный, а у нас в доме его никогда не было).

Поступая в колледж, я знал латынь и арифметику. Через четыре года я забыл и то и другое. Благодаря яблочному бульбулятору.

В Гарварде я старался как-то развлекаться. На первом курсе я стендапил в институтском конкурсе талантов. После шоу судья сказала: «А ты смешной». Так что я на ней женился. Это был последний раз, когда я выступал со стендапом.

Кроме меня в конкурсе талантов был только один комик, парень по имени Пол, который шутил вот так:

ПОЛ: А сейчас выжившие в техасской резне бензопилой сложатся в пирамиду!

ЗРИТЕЛИ: Фу-у-у-у!

После мероприятия я ему сказал: «Пол, комедия – это реально не твое». Он послушал моего совета, занялся драмой и создал популярнейший сериал «Доктор Хаус». Пол с тех пор заработал миллион долларов, а я нет-нет да и стащу пакетик кетчупа из KFC.

Короче говоря, из Гарварда я вынес только две по-настоящему ценные вещи: мою прекрасную жену Дениз и пачку библиотечных книг. И то, и то хранится в спальне.

ЗРИТЕЛИ: Фу-у-у-у!

«Гарвардский пасквилянт»

Почему я вообще поступил в Гарвард? Когда я подал документы, я знал об этом университете две вещи:

1. Там учился Терстон Хауэлл III, бестолковый миллионер из «Острова Гиллигана». (Моим соседом по общежитию был Терстон Хауэлл IV.)
2. Там выпускался юмористический журнал «Гарвардский пасквилянт», к которому я хотел иметь отношение.

Тогда, в семидесятые, «Пасквилянт» не был известен как инкубатор талантливых комиков. На самом деле за первые сто лет существования у журнала было всего четыре знаменитых

сотрудника: Роберт Бенчли, Джордж Плимптон, Джон Апдайк и Фред Гуинн – чувак, игравший Германа Мюнстра (да, правда!). То есть после «Пасквилянта» прославились забавный парень, скучноватый парень, серьезный парень и Франкенштейн.

К «Пасквилянту» стали относиться по-другому после того, как выпускника по имени Джим Дауни наняли писать первый сезон Saturday Night Live (где он прижился на четыре десятка лет). Джим позвал с собой двоих друзей из «Пасквилянта», те привели своих друзей, и в итоге к концу девяностых десятки «пасквилянтов» заполнили телевидение и кинематограф. Джим Дауни был чем-то вроде смешного нулевого пациента. В Голливуде нас сейчас столько, что нас называют «пасквилянтской мафией» – довольно оскорбительно... для мафии. У них хотя бы есть кодекс чести.

Когда в 2016 году вручали «Эмми», четыремя из шести номинированных комедийных сериалов руководили выпускники «Пасквилянта» («Вице-президент», «Силиконовая долина», «Мастер на все руки», «Несгибаемая Кимми Шмидт»), а остальные два были ими придуманы. В номинации «Лучший комедийный сценарий» четверо из пяти номинантов, включая победителя, были нашими выпускниками.

Люди из «Пасквилянта» везде – например, в каждом вечернем шоу («Феллон», «Киммел», «Корден», «Колберт», «Ежедневное шоу» и, разумеется, «Конан»). Они составляют до 30 процентов сценаристов всех ключевых комедий недавнего прошлого: «Сайнфелд», Saturday Night Live, «Леттерман» и «Офис». В анимации они работали над «Бургерами Боба», «Футурамой», «Гриффинами» и, разумеется, «Симпсонами». Наша первая авторская группа, нанятая выпускником Стэнфорда Сэмом Саймоном, наполовину состояла из «пасквилянтов». С тех пор над сериалом работало еще около сорока выпускников Гарварда, включая одиннадцать президентов «Пасквилянта».

Но каким образом журнал, основанный в девятнадцатом веке, готовит авторов к карьере на телевидении? Потому что, по чистой случайности, конкуренция за место в «Пасквилянте» устроена точно так же, как на телевидении. От студентов-претендентов требуют написать шесть юмористических публикаций за восемь недель – это учит соблюдать сроки и быть плодовитым (два фундаментальных телевизионных навыка). Как и на ТВ, конкуренция жесточайшая – каждый год свои силы пробуют сто авторов, а проходят – семеро. Наконец, как и на ТВ, процедура абсолютно нечестная – почти никого из претендентов не выбирают с первого раза. Мне потребовалось два захода; Дэйву Мэнделу, превосходному шоураннеру, год от года получающему «Эмми» за «Вице-президента», понадобилось пять. Легендарному комику Элу Фрэнкену журнал вообще отказал – это доказывает, что проще избраться в (и впоследствии вылететь из) американский Сенат, чем быть принятым в «Гарвардский пасквилянт». Чтобы стать частью журнала, вы должны быть уверенным в себе, упорным и немного поехавшим. В точности как телевизионный сценарист.

Когда вас берут в штат, будь то «Пасквилянт» или ситком, вы начинаете делать следующее: просиживать задницу в комнате, набитой весельчаками, и есть дерьмовую еду. В обоих случаях вы целыми днями (и часто ночами) треплетесь, шутите и оттачиваете свое остроумие.

Один из парадоксов заключается в том, что, хотя «пасквилянты» пишут отличные сценарии для телевидения, их издание ужасно. Я никогда не понимал причину, но «Гарвардский пасквилянт» – плохой журнал сегодня; был плохим, пока я был его президентом; был плохим, когда им управлял Роберт Бенчли. Полсотни лет до него он был плохим и расистским. Обо всем этом вы сможете прочитать в моей следующей книге – «Пятьдесят лет смеха: Сто сорок лет «Гарвардского Пасквилянта».

Гарвардский ужин Конана О'Брайена

«Майк и Эл пришли в редакцию «Пасквилянта», а мы закатали им роскошный ужин. Это даже была не моя идея, но шеф-повар решил, что, поскольку я был президентом «Пасквилянта», на ужин надо подать исключительно картошку. Это все, что было в меню: картошка. И я помню, что Майк и Эл конкретно взбесились, потому что они реально пришли поужинать. Мы пытались подать это как концептуальную находку, а они такие: «Где, на хер, мой лобстер?». А мы: «Вы, что, шуток не понимаете?» А они: «Нет, мы взрослые люди, и мы пришли на ужин, мы тупо голодные». Многие годы после этого Майк Рейсс психовал по поводу картофельного ужина. Но он, кажется, мне отомстил. Несколько лет назад я пришел в гости в его нью-йоркскую квартиру, и он налил мне кошерного вина из пакета. Который, кажется, стоял на солнце с момента, когда Форд был президентом. Так что он меня проучил».

(ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА: По-моему, отличное было вино.)

В 1982 году я поучаствовал в пародии «Пасквилянта» на журнал People в трех лицах. Я сыграл братьев Доставучих, которые достают людей за деньги. Карикатуру на заднем плане нарисовал будущий сценарист «Симпсонов» Джефф Мартин.

Глава третья

Шутейки за копейки

Шел апрель моего выпускного года, и никаких карьерных планов у меня не было. Казалось, что раз уж я отучился в Гарварде, Бог все устроит. И они так и поступили. (Я политеист.)

Прорыв случился, когда мне позвонил Тэд Манн, редактор «Национального пасквилья». В период своего расцвета «Национальный пасквиль» был единственным рупором язвительного, взрослого юмора в Америке; он был как The Onion, The Daily Show и Saturday Night Live в одном флаконе. Тэд сказал: «Мы читали ваши публикации в «Гарвардском пасквильянте» и хотели бы пригласить вас на работу».

«Вы читаете «Гарвардский пасквильянт»?» – пораженно спросил я.

«Годами уже читаем, – ответил он. – Но там раньше не было ничего интересного».

Заодно они наняли моего соседа по общежитию и соавтора Эла Джина. Так что через месяц после выпускного мы переехали в Нью-Йорк и поселились в Сохо, в шикарном лофте над шляпным заводом. В «Национальном пасквиле» у нас был свободный график; мы писали что хотели и зарабатывали по 22 500 долларов в год. Сегодня кажется, что это немного, но в 1981 году это все равно было очень мало.

Мы с Элом быстро отличились публикацией под названием «Судья Тергуд Маршалл: Как смотреть грязищу». Звучит нелогично, но факт: в восьмидесятые годы Верховный суд был вынужден отсматривать огромное количество порнографии в рамках дел, связанных с Первой поправкой к Конституции. Некоторые судьи отводили глаза во время просмотров, другие вообще их бойкотировали. Судья Тергуд Маршалл приносил поп-корн!

Это была дурацкая, издевательская статья, где мы приписали Тергуду много сомнительных шуток типа: «Феликс Зискер, пососи мою сосиску» и «Скажите медведю, что я тут единственный черный и волосатый». Мы небезосновательно думали, что Тергуд никогда этого не прочитает. Но если уж прочитает, то ему наверняка понравится!

Десять лет спустя, когда Маршалл скончался, его некролог был опубликован на первой полосе Los Angeles Times. Первый абзац рассказывал, что он был первым афроамериканцем, назначенным в Верховный суд. Второй абзац – о его карьере юриста и нашумевшем деле «Браун против Совета по образованию». Уже в третьем абзаце говорилось: его настолько взбесила публикация в «Национальном пасквиле», что Маршалл инициировал расследование ФБР в отношении журналистов. То есть да, где-то на меня заведено дело.

Хоть нам и нравилась работа в «Национальном пасквиле», мы с Элом мечтали о чем-то большем. Поэтому после работы мы садились за другие проекты – наброски книг, пилоты для ТВ – в надежде, что что-нибудь выстрелит. Однажды мы даже написали сценарий для рок-звезды Мита Лоуфа. Когда мы принесли текст мистеру Лоуфу (так его надо было называть), его секретарша сказала: «Приходите на следующей неделе, и мы дадим вам пять тысяч долларов».

Мы пришли на следующей неделе... а мистер Лоуф исчез. Офис стоял пустой. Насколько я помню, они заколотили окна досками на случай, если я приду за гонораром. и окажусь зомби.

Это была моя первая работа в кинематографе.

Последняя работа в кинематографе была в 2016 году. Я продал оригинальный сценарий очень известному продюсеру, обладателю «Оскара». Он до сих пор должен мне 250 000 долларов. Мораль такова: «Успех не измеряется в заработанных деньгах. Он измеряется в количестве людей, готовых вас на эти деньги напарить».

Через десять месяцев после того, как мы начали работать в «Национальном пасквиле», нас с Элом позвали в Голливуд писать шутки для новой комедии. Об этом фильме вы, возможно, слышали. Он называется «Аэроплан 2: Продолжение». Возможно, вы его смотрели – это настолько ужасная комедия, что она получила награду во Франции. (В последнее время

отношение к фильму изменилось. Кто-то недавно прислал мне подкаст, в котором его нахваливает Квентин Тарантино, а ведущий постоянно переспрашивает: «Вы точно имеете в виду «Аэроплан 2»?»)»

По поводу фильма нам позвонил его сценарист и режиссер Кен Финкельман. Сначала он хотел привлечь наших друзей Тома Гэммила и Макса Просса, но они были заняты и порекомендовали нас. (Возможно, вы помните их по первой главе: они отказались от работы в «Симпсонах» и порекомендовали нас.) Финкельман позвонил в воскресенье вечером; в понедельник утром мы уволились из «Национального пасквиля», отменили аренду квартиры и помчались в Голливуд. Наша квартирная хозяйка не без горечи, как мне показалось, отправила в Лос-Анджелес единственную коробку с нашими пожитками – там были зимние куртки.

Вечером вторника мы были уже на съемочной площадке «Аэроплана 2». Съемки были в разгаре, и, когда какая-то шутка не получалась, нас просили придумать что-то посмешнее – и быстро. Мы работали в крохотном деревянном сарае прямо в павильоне, где было страшно жарко из-за осветительных приборов. Это был, в сущности, карцер, куда запирают заключенных в южных фильмах про тюрьму.

Это была тяжелая, напряженная работа – отличная тренировка перед будущей карьерой на ТВ, и многие наши шутки попали в финальный фильм. Еще мы тусили со звездным актерским составом, включавшим множество приятных людей. И Уильяма Шатнера.

Годы спустя мы вернули долг Кену Финкельману, дав ему постоянную работу в «Симпсонах». Он пришел в офис, решил, что ему не нравится, и через два часа уволился – рекорд «Симпсонов».

Где Джонни?

После «Аэроплана 2» мы с Элом получили еще одну работу – писать сценарий черной комедии под названием «Трусы», действие которой происходило во Вьетнаме. Эл отправил копию реальному ветерану Вьетнама, который ответил: «Я хотел бы убить того, кто это написал».

Желание ветерана исполнилось: этот сценарий убил нашу карьеру. Фильм так и не был снят, а нас выгнали из кинобизнеса. (Мы вернулись туда только через двадцать лет, когда писали «Симпсонов в кино».)

Шел 1984 год, и мы оказались без работы в Лос-Анджелесе, где никого не знали. Эл пытался поступить в бизнес-школы, а я присматривался к карьере в алкоголизме, когда нам позвонили из «Вечернего шоу с Джонни Карсоном». Главный автор хотел нас нанять, но для этого нужно было пройти собеседование с самим Карсоном. Когда мы пришли в его офис, оказалось, что он оформлен в точности как съемочная площадка «Вечернего шоу». Мы сели на диван, Джон – за свой стол, и болтали ровно двенадцать минут – столько длится эпизод «Вечернего шоу». Карсон пошутил, мы посмеялись, собеседование закончилось. Если бы он мог переключиться на рекламу, он бы это сделал.

Работу мы получили, чему страшно обрадовались. Но Джонни переживал не лучшие времена: ему было под шестьдесят, шоу шло уже двадцать лет, в разгаре был его третий развод. Он настолько мало общался с авторами, что мы читали желтую прессу, чтобы узнать, как у него дела. Одна публикация в *National Enquirer* называлась «Бывшая Джонни требует на пять тысяч долларов больше алиментов в неделю». Микки Роуз, соавтор сценариев классических фильмов Вуди Аллена «Бананы» и «Хватай деньги и беги», повернулся к другому автору и сказал: «Смешно, мы зарабатываем пять тысяч в неделю на двоих».

В бухгалтерии, видимо, тоже это поняли – через несколько дней их обоих уволили.

«Вечернее шоу» было трудной работой. От нас с Элом ждали *шестьдесят* шуток в день. Шестьдесят в день! А если у нас писательский блок? Ну, у авторов вечерних шоу не бывает

писательского блока. С чего бы он у вас был? У других профессионалов не бывает блока. Сантехник никогда не скажет вам с порога: «Я не буду чинить ваш унитаз, у меня сантехнический блок».

А бухгалтер никогда не скажет: «Я не буду заниматься вашими налогами, у меня налоговый блок».

ЗРИТЕЛИ: Фу-у-у-у!

Откуда мы брали шутки?

Каждый день пятеро авторов сдавали по шестьдесят шуток руководителю авторской группы Рэю Силлеру. Из этих трехсот шуток он выбирал восемнадцать лучших. Из этих восемнадцати Карсон выбирал дюжину тех, которые ему нравились. Да, все так: двенадцать шуток из трехсот написанных – отбор проходили только четыре процента. И несмотря на это, каждый вечер одна из трех шуток проваливалась. Такая же история была все годы, что я управлял «Симпсонами»: один из трех сценариев проваливался на читке.

Ни один другой бизнес так не работает. Campbell's не может сказать: «Отличная работа, парни. Только одной из трех банок нашего супа можно отравиться!» Никто в Samsung не говорит: «Поздравляем, чуваки. Только один из трех наших телефонов взрывается». Хотя...

Однажды Джонни делал так называемый карнак: когда он давал ответ, и только потом слышал вопрос. Парень по имени Кевин Малхолланд написал лучший «карнак» в истории:

ОТВЕТ: Сис-бум-бах.

ВОПРОС: Как звучит взрыв овцы?

С гордостью сообщаю, что я написал худший «карнак» в истории:

ОТВЕТ: Красная площадь.

ВОПРОС: Как называется пятно на лбу у Горбачева?

Не буду объяснять нашим юным читателям, кто такой Горбачев и что было у него на лбу. Достаточно сказать, что шутка получилась отвратительная. И тем не менее она прошла все стадии отбора и попала в эфир. Когда Джонни исполнил ее тем вечером, в студии повисла мертвая тишина. Не то чтобы зрителям не понравилась шутка – они просто не поняли, что это была шутка.

Через полгода Карсон снова делал «карнак». Кто-то совершил ужасную ошибку, в результате которой была выбрана та же самая шутка: «Красная площадь».

Джонни прочитал ее, и студия взорвалась хохотом! Плюс-минус те же зрители, тот же исполнитель, та же студия, та же шутка – но с абсолютно противоположной реакцией. Тем вечером я усвоил важный урок: научные методы к комедии неприменимы. (Дэвид Коэн, один из создателей «Футурамы», со мной в этом согласен. А он реальный ученый.)

Готов признать, что две шутки на «Вечернем шоу» были абсолютно безотказными – обозвать звезду «Династии» Джоан Коллинз сучкой и произнести слово «макнагетсы». Мы с Элом придумали на их основе идеальную шутку: «Джоан Коллинз устроилась на работу в McDonald's. Она стала лицом их нового продукта: «Сучьи макнагетсы».

Ладно, это несмешная шутка. Я даже не уверен, шутка ли это вообще. Но Карсон прочитал ее в эфире и получил самый продолжительный хохот в истории шоу.

Как это можно объяснить? Ну, шли восьмидесятые. Вся Америка сидела на кокаине.

А вот и Джоани

Я обожал недели, когда «Вечернее шоу» вела Джоан Риверс. Каждое утро она присылала нам темы для ее сегодняшнего монолога. Например:

СРЕДА

Чирлидерши
Роман Полански
Старшеклассники из Беверли-Хиллз
Мадонна выходит замуж за Шона Пенна

(По этой последней теме мы предложили такую шутку: «Частью ее наряда было что-то старое, что-то новое, что-то позаимствованное и что-то из голубого фильма, в котором она когда-то снималась».)

Однажды мы узнали, что у мужа Джоан Эдгара Розенберга случился сердечный приступ. Мы гадали, придет ли она на съемки на следующий день. В смысле, кто бы на ее месте пришел? На следующее утро от нее пришел список тем:

ЧЕТВЕРГ
Сердечный приступ Эдгара
Ужасный доктор Эдгара
Эдгар кокетничает с медсестрами
Где купить платье для похорон

Ситкомовая жизнь

Через две недели после «сучьих макнагетсов» Карсон уволил нас безо всякой видимой причины.

Через две недели после этого он позвал нас обратно, опять без видимой причины.

Но мы с Элом уже начали писать сценарии для ситкома «Кувалда» – нового пародийного сериала о копе, похожем на Грязного Гарри. Канал ABC наказал сериал худшим эфирным временем в истории телевидения – девять часов вечера в пятницу, параллельно с «Далласом» и «Полицией Майами», двумя крупнейшими хитами эфира. Тем не менее «Кувалда» продержалась два сезона и до сих пор имеет культовый статус. Поскольку сериал снимался на пленку без студийной аудитории, каждый сценарий был как небольшое кино. Мы научились писать кинематографические сценарии, придумывая монтаж, склейки и пародии на киноштампы. Все это нам позже пригодилось в работе над «Симпсонами».

С «Кувалды» мы перешли на «Альфа» – сериал об инопланетянине, живущем в пригороде. Альф был куклой, ее озвучивал и ею управлял создатель сериала Пол Фаско, один из талантливейших людей, с которыми мне доводилось работать.

Что важнее, сериал оказался кое-чем новым для нашей карьеры – хитом!

Одной из вещей, которую мы перенесли из «Альфа» в «Симпсонов», стало жонглирование отсылками к массовой культуре. В пилоте «Альфа» была реплика, на которую обратил внимание каждый критик того времени. Когда семья на экране ссорится, отец кричит: «Мы, что, так ничему и не научились из «Шоу Косби»?»

Для 1987 года это была мощная реплика! Как однажды заметил Мэтт Грейнинг, герои сериалов никогда не смотрят сериалы. Это одна из причин, по которой в начале каждой серии «Симпсоны» падают на диван перед телевизором.

Фиксация «Альфа» на поп-культуре достигла своего пика в серии, где инопланетянину снится «Остров Гиллигана» – его любимый сериал. Мы собрали большинство актеров «Гиллигана» как приглашенных звезд – повторяйте за мной: Гиллиган, Шкипер, профессор и Мэри Энн. Для ребенка шестидесятых это был сон наяву – я писал шутки для Гиллигана. И кокетничал с Мэри Энн.

Поскольку Альф был куклой, мы знали, что дети и так посмотрят сериал, даже если не поймут шуток. Это дало нам свободу писать сценарии исключительно для взрослой аудитории. Одна серия была часовой пародией на «Вечернее шоу», которое идет на три часа позже времени, когда детям нужно спать. (Я даже использовал некоторые старые «карнаки»!) Это был еще один урок, пригодившийся в «Симпсонах»: не надо писать сериал для детей – надо писать для взрослых, которые будут смотреть его вместе с детьми.

«Альф» не то чтобы был в этом первопроходцем. Журнал Mad никогда не беспокоился, что аудитория чего-то не поймет: однажды у них на обложке был «Заводной апельсин», фильм с жестким возрастным ограничением, который его читатели по молодости посмотреть не могли. Много лет спустя «Симпсоны» в одной серии спародировали и «Заводной апельсин», и «С широко закрытыми глазами» – фильмы Кубрика с жесточайшим возрастным ограничением. Если ваши дети их смотрели, я звоню в службу опеки.

Истоки нежелания писать для целевой аудитории можно проследить до «Рокки и Буллвинкля» – сериала, который все авторы «Симпсонов» обожали в детстве. Очевидно, его сценаристы (включая Аллана Бернса, давнего соавтора Мэла Брукса) понимали: анимация сериала настолько ужасна, что спасти его могут только сценарии. Поэтому «Рокки и Буллвинкль» был сочетанием дурацких шуток и сложной сатиры на холодную войну; злодей Борис Баденов был отсылкой к Борису Годунову – русскому царю-регенту в шестнадцатом веке. Вы это знали, детишки? Конечно нет.

После года в «Альфе» мы с Элом перешли в «Это шоу Гарри Шендлинга» – сериал о парне, который знал, что он в сериале. Даже титульная песня была с подковыркой: «Это песня с титров «Шоу Гарри», / Открывающих титров «Шоу Гарри»...». Декорации были точной копией реальной комнаты Шендлинга.

Мало кто понимает, как многому «Симпсоны» обязаны «Шоу Гарри Шендлинга». Больше половины нашей оригинальной авторской группы – Сэм Саймон, Джей Коген, Уолли Володарски, Эл и я – работали в этом сериале. Шоу было непредсказуемым и обладало характерным для «Симпсонов» уровнем самосознания. «Шоу Шендлинга» также впервые начало приглашать случайных звезд-гостей; к примеру, Джефф Голдблум и Том Петти играли сквозные роли самих себя в ролях придурочных соседей Гарри. В «Симпсонах» такое будет позже, но в «Шендлинге» все началось.

И хотя мы скакали с одной работы на другую, не особо выбирая предложения, все эти ситкомы научили нас важным вещам, оказавшимся незаменимыми в «Симпсонах».

Ситкомы

Когда сценарист рассматривает постоянную работу в ситкоме, существуют два основных критерия:

1. Сколько длится рабочий день?
2. Как далеко ехать в офис?

Рабочее время в ситкомах бывает очень разным: от тридцати пяти часов в неделю до сотни и более. А рабочая неделя может длиться пять, шесть или даже семь дней. «Восемь дней в неделю» – это не только песня Beatles, но еще и распорядок работы в ситкоме «Задержка в развитии». Его офис был рядом с «Симпсонами», и сценаристы торчали там, кажется, в любое время дня и ночи. Помню, я представлял, как потные шахтеры в Южной Африке говорят друг другу: «Ужас, конечно, но лучше, чем работать в «Задержке в развитии».

В «Симпсонах» рабочая неделя включала от сорока часов до более чем восьмидесяти – все зависело от того, кто был шоураннером. Сейчас у нас две параллельные авторские группы и все работает по-другому: первая группа уходит домой в шесть вечера, а вторая – работает допоздна, но с бесплатным обедом. (Я предпочитаю бесплатный обед!)

Поскольку дело происходит в Лос-Анджелесе, расстояние до офиса тоже важно. Какая разница, во сколько вы уходите домой, если вы все равно проторчите три часа в пробках в час пик. (В Лос-Анджелесе час пик – это любой час любого дня или ночи.)

Критики обожали «Это шоу Гарри Шендлинга», но они в нем не работали. Офис находился черт знает где, в восточной части Лос-Анджелеса, и мы редко уходили с работы раньше, чем в два часа ночи.

В этом смысле «Альф» был лучшей работой в моей жизни: рабочий день заканчивался в 19:30, а в 19:45 я уже был дома.

Вы, должно быть, думаете: «А что насчет качества сериала? Это вообще является критерием?»

А вы смешной. Вам тоже надо писать ситкомы!

Второй акт

Сюжет серии «Симпсонов», который заявляется в первом акте, по-настоящему начинается во втором. (Второй акт часто занимает половину серии.)

К началу этого второго акта этой книги я ушел из «Это шоу Гарри Шендлинга», чтобы работать в «Симпсонах». Здесь мы поговорим о внутренней кухне сериала – вы познакомитесь с авторами, актерами, мультипликаторами и продюсерами. Я по шагам объясню, как мы делаем сериал. К концу второго акта «Симпсоны» успеют вас окончательно задолбать.

Глава четвертая

Знакомство со сценаристами

Девяносто пять процентов работы над «Симпсонами» не писательство, а переписывание. Сценарий пишет один человек, но потом за текст берется банда редакторов: как правило, от четырех до шести человек весь день предлагают шутки – это и есть авторская группа. (Однажды я недолго работал в группе из *двадцати семи* авторов. Абсолютно ничего хорошего из этого не вышло – люди боялись питчить шутки. Когда ты пошутил, а никто не засмеялся, это значит, что ты облажался перед довольно большой аудиторией.)

Авторская группа – деликатная штука. Недостаточно быть просто смешным, надо еще находить со всеми общий язык. Один надоедливый или упрямый сценарист может замедлить или вообще парализовать весь процесс. Я это понял задолго до «Симпсонов», когда работал с очень талантливым, но чудаковатым (на букву «м») сценаристом. В какой-то момент его позвал босс и сказал: «Нам очень нравится, как ты пишешь, но все считают тебя придурком. И нам придется тебя уволить, если ты не попробуешь перестать быть придурком».

Парень сказал: «Мне надо подумать».

Он ушел домой, вернулся на следующее утро и сообщил: «Я посоветовался с женой, и она согласна: я не могу перестать быть придурком».

Сегодняшняя авторская группа «Симпсонов» состоит из двадцати трех очень смешных не придурков. Многие думают, что в нашем офисе царит разнузданное веселье, но это не так; мы заняты серьезным делом. Раз в несколько лет какой-нибудь телеканал присылает съемочную группу сделать репортаж об авторах «Симпсонов», и каждый раз эта группа сначала скупает, потом бесится, а потом вылетает из нашего офиса, так и не отсняв ни одного интересного кадра. Дело в том, что наши авторы не клоуны и не комедианты. Они серьезные, сосредоточенные люди, которые по два часа придумывают название мультфильму про Щекотку и Царапку. (Победитель: «О мышах и людоедстве».)

Это не какие-нибудь там хохотуны – авторы «Симпсонов» преимущественно люди семейные, «американские папаши» (и одна мамаша). Никто из нас в детстве не был Бартом. Мы были Лизами: добрыми, усидчивыми школьниками с минимумом друзей. Однажды мы проснулись и превратились в лысых толстых Гомеров. Я не шучу, когда говорю, что пятница – любимый день сценаристов. Почему? В офис приносят бесплатные пончики. Из интересного за тридцать лет в нашем офисе произошло только следующее: один сценарист никак не мог придумать нужную нам шутку, взбесился и стукнул картонную коробку. Он чуть не сломал руку и истек кровью, а на коробке появилась крохотная вмятина. Это наша лучшая история: сценарист ввязался в драку с коробкой *и проиграл*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.